
ВЛАДИМИРУ ЧИВИЛИХИНУ — 80 ЛЕТ

ЗАЩИТНИК РОССИИ

В марте этого года исполняется 80 лет со дня рождения русского советского писателя Владимира Алексеевича Чивилихина (1928–1984). Уже двадцать четыре года нет его с нами. За это время не только выросло новое поколение молодых людей, но и мы все живем теперь совсем в другом государстве. Однако это не отменило духовные и культурные ценности, которыми жил наш народ, не сделало нас иванами не помнящими родства. Валентин Распутин, вспоминая Владимира Чивилихина, писал: “Мы уже живем в государстве с другими границами, другим общественным строем. Но одно остается неизблемым: мы в России и с нами память. Память о великом подвижнике русского дела. Его книги вопреки политическим реалиям охраняют нашу землю, помогая и теперь русским людям ощущать себя единым народом, достойным великого будущего”.

Многие работы Владимира Чивилихина были опубликованы в журнале “Наш современник”. Особый интерес вызвал роман-эссе “Память”, вторая книга которого отмечена Государственной премией СССР в 1982 году. Книга вызвала лавину откликов, споров специалистов и любителей как истории, так и литературы. Трудно перечислить все поднятые в ней сложнейшие и вечные вопросы, неожиданные аргументы, дерзкие гипотезы, размышления, утверждения, опровержения теоретических построений, имеющих сомнительную историческую достоверность. Это и отношение к так называемой норманистской теории, и оценка роли и последствий татаро-монгольского нашествия, и размышления о нашем средневековье и “древности” Руси, и полемика с Львом Гумилевым, и многое другое. Образно и емко выразил свое восприятие этого романа-эссе один из читателей: “Перевернута последняя страница. Ощущение такое, что взобрался на труднодоступную вершину: радость покорения и радость от того, что с вершины видишь то, что не видят не одолевшие ее”.

Появление “Памяти” было для многих неожиданным. Владимир Чивилихин уже в начале 60-х годов прочно вошел в большую литературу как неприимимый борец за разумное использование природных богатств, как писатель, которому присущ цельный взгляд на проблему “человек и природная среда”. Его книга “По городам и весям” была отмечена в 1977 году Государст-

венной премией РСФСР им. М. Горького. Наибольший резонанс был вызван серией очерков в защиту лесов, вод, земли, светлого ока Сибири – Байкала.

Сергей Сартаков писал: “Владимир Чивилихин верен всей душой земле, на которой вырос. Любовь к своей родной земле у него не пассивная, созерцательная, не сентиментальная, а действенная, мужественная, любовь смелого, сильного сына, всегда готового грудью встать на защиту ее. С великолепной настойчивостью Владимир Чивилихин защищает от покушений живую природу. Он делает это серьезно, умно, доказательно, не поддаваясь лишь чувствам. Прежде чем отрезать, он примерит семь раз, перевернет архивы, соберет документы, исследует труды авторитетнейших ученых, лично побеседует с ними, съездит на место сам”.

Главной отличительной особенностью публицистики Владимира Чивилихина было не желание поплакать над бедами, вывалив негатив на читателя, а предложить пути решения проблемы. По его выступлениям был принят ряд важнейших государственных постановлений, внесены серьезные поправки в проекты природоохранных законов.

Документальные и художественные повести Владимира Чивилихина, три из которых были удостоены премии Ленинского комсомола в 1966 году, также имеют свои отличительные особенности. Это разговор о простых тружениках – рабочих, лесниках, вертолетчиках, геологах-первопроходцах, молодых ученых. Главное в этих произведениях – живя по совести, обладая высокими нравственными качествами и чувством долга перед страной и другими людьми, человек может и должен стать над уровнем своих возможностей.

Владимир Чивилихин вел большую общественную работу. Если посчитать все его общественные должности и обязанности, то их наберется не один десяток. Бесконечные проблемы в литературной среде тревожили, волновали, травмировали душу, не позволяли отмалчиваться. Борьба за чистоту русского языка, за право и возможность автору употреблять народную лексику, если даже она не закреплена в словарях, за объективное и профессиональное отношение критики к авторам произведений, особенно начинающим, за истинное “новаторство”, не отделимое от понятия “творчество”, ожидание героя “открытого добру, нетерпимого ко злу, чуткого к болезням и болячкам своего времени”.

Очень рано ушел Владимир Алексеевич из жизни. Много было задумано, о многом мечталось, многое только начато. Читатели “Нашего современника” первыми познакомились с не опубликованными при жизни очерками “Иннокентий Жуков”, “Счастье открытий”, “А. С. Грибоедов”, страницами исторического романа “Дорога” о зарождении железных дорог в России и их главном изыскателе – писателе Гарине-Михайловском. Романа, как такового, ещё не было. Отдельные главы были соединены мной в единый текст в смысловой и временной последовательности. Судя по оставшемуся в архиве материалу, колоссальному по объему, уникальному по содержанию, намечалось произведение несоизмеримо более широкого охвата, чем опубликовано сейчас. Владимир Чивилихин только приступил к тому, о чем он однажды сказал: “Это будет роман о Сибири. “Дорога” потрясет всех!” Эти разрозненные главы сложились в самостоятельное произведение, главной темой которого стал “поиск русским интеллигентом смысла жизни, верной дороги действенного служения народу”.

Сейчас в издательстве “Алгоритм” готовится к печати книга “Дневники и письма” Владимира Чивилихина. Вниманию читателя предлагаются несколько писем из будущей книги, объединенных темой “Литература и культура”. Эти письма по своей тематике и проблематике являются, на мой взгляд, неотъемлемой частью творчества Чивилихина. В них проявляются та же самостоятельность и независимость мышления, активность характера, гражданское мужество, широта взглядов, умение защищать свои идеалы.

“Владимир Чивилихин сделал все, что мог, и даже много больше, чем мог один человек. Ему упрекнуть себя не в чем. Имя его навсегда занесено в святцы отечественного служения. России не повезло, быть может, лишь в том, что у нее было недостаточно таких защитников, как Владимир Чивилихин”, – подвёл итог его жизни Валентин Распутин.

Елена Чивилихина

“НИЧЕМ НЕ ЗАМЕНИМОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ НАЧАЛО”

Письма В. А. Чивилихина

Палагиной В. В.

Уважаемая товарищ Палагина!

Извините, не знаю Вашего имени-отчества, поэтому обращаюсь так официально.

Передо мной лежат два тома редактируемого Вами “Словаря русских старожильческих говоров”. Считаю, что филологи Томского университета делают большую и благородную работу, редкую по нынешним временам. Не мне судить о научном значении этой работы, хотя оно, несомненно, велико. Скажу попросту о том, как отношусь к ней я, рядовой русский писатель.

Словарем можно не только пользоваться, не только изучать его, *но и читать*. Для меня и других писателей сибиряков и несибиряков ваш труд – замечательное подспорье в работе, однако я скажу все же о чтении. Мне лично занятие сие доставляет истинное наслаждение. И дело совсем не в том, что я родился в Мариинске, долго жил в Тайге, бывал во многих деревнях, которые посетили диалектологические экспедиции томичей-филологов, и радость узнавания *родины* через Вашу работу ни с чем несравнима. Дело в более существенном, принципиальном. В современной нашей литературе есть тенденция к обесцвечиванию, дистилляции, обеднению языка, противоречащая великим традициям великой русской литературы. Ваша работа настораживает слух, прививает вкус к народному слову, позволяет заглянуть в его семантические глубины, выявляет огромные резервы современной литературной речи...

Не так давно при встрече в Москве с директором Западно-Сибирского книжного издательства тов. Китайником А. У. мы говорили о необходимости переиздания этой конторой “Словаря старожильческих говоров” более крупным тиражом. Ничего утешительного я пока не услышал, но идеи своей не оставляю. Сообщите мне, пожалуйста, свои соображения на этот счет. Может быть, стоит организовать тут письмо писателей? Как Вы сами, лучше меня зная весь фон, смотрите на свой труд?

Сердечно благодарю Вас и весь коллектив томских филологов за труд. С нетерпением жду выхода очередного тома. Как мне его добыть? Когда предполагается закончить все издание?

С уважением Владимир Чивилихин.
19 марта 1967 года.

Порману Р. Н.

Дорогой Рэм Николаевич! По Вашему письму я почувствовал, что Вы серьезно беретесь за дело. Чтобы ответить на два Ваших коротких вопроса, я должен исписать много бумаги – понимаете? Ведь это огромная тема – влияние подлинного народного художника на литературу, и, скажем, отдельные черты “леоновского” – народность, публицистичность, гражданственность, художественное новаторство, философское осмысление жизни, отражение мира в личности писателя – требуют особого рассмотрения, большого труда и размышлений...

На мой взгляд, Л. М. Леонов, следуя русской классической литературной традиции, проторил свой большак, и творчество Старика (как мы заглазно его зовем) – принципиально новый ракурс в образном видении мира, щедрый вклад советского писателя в культурную копилку человечества. Темой отдельного исследования мог бы стать его прием прессования реальности до символов, интересно было бы порассуждать о патриотизме, как движителе писательского вдохновения, и т. д. и т. п. Короче, работы у Вас полно, и Вы

великолепно почувствовали в литературной сумятице серьезную тему, наметили, может быть, важнейшую проблему современного бумагомарания, хотите взять не фактики, а явление в искусстве...

А оно, несомненно, существует. Уважительное отношение к прошлому своего народа, отсутствие стремления лакировать или очернять жизнь, желание глубже понять и улучшить ее, знание народного языка и народных характеров – вот далеко не полный перечень того, что наследует мое поколение у Леонова, вернее, что сближает нас с ним. Возьмите М. Алексеева (особенно “Карюху”), С. Крутилина, А. Иванова, В. Солоухина, В. Липатова, В. Белова, да помоложе ребят возьмите – В. Колыхалова, Ю. Сбитнева, В. Цыбина (в прозе) – без учета творчества Леонова они все были бы другими. Впрочем, я не могу больше писать – только что закончил статью “Уроки Леонова” на 1,5 печ. листа, даю ее в Пушкинский дом, где готовится сборник к 70-летию Старика. Там, правда, речь идет больше об уроках Леонова, преподанных лично мне, но много и другого, и я несколько устал от темы, понимаете меня? Может, вернемся к ней попозже, когда Вы мне сообщите свои наметки, чтоб я мог кое-что посоветовать. Пишите. Жму руку и желаю плодотворной работы.

10.2.68 г. Москва.
Вл. Чивилихин

Шолохову М. А.

Дорогой Михаил Александрович!

Берегу большие чувства к вам и еще раз сердечно благодарю за встречу. В Москве говорят, что нам, дескать, крупно повезло, однако Вы сумели так все сделать, когда мы приехали к Вам, что будто бы иначе и быть не могло. Вышло так просто и здорово, так по-людски. К сожалению, в наших писательских сферах все меньше остается мест, где ты бы чувствовал себя на родине. Это тем более дорого...

Живу под впечатлением Ваших мыслей о нашем времени, нашей истории, под впечатлением тех неизбывных забот, которыми Вы обременены. Это состояние хорошо отражает то, что думает и чувствует сейчас народ, вернее, та его часть, которая думает и чувствует. И все равно, наверно, не дяди со стороны, а мы сами станем разбираться в наших делах, если даже это дело и поощряться не будет...

Посылаю Вам обещанную бумагу о демографических проблемах России. Я не уверен, что материал этот вполне научный, однако в нем есть много интересных цифр и соображений, присутствует закономерная тревога за будущее, не столь уж отдаленное. Только извините за небрежную перепечатку, хорошо хоть так жена помогает.

Мне бы очень хотелось еще часок-два когда-нибудь поговорить с Вами и не ради какого-то там шкурного интереса. И еще есть одна просьба. Вы можете ее не выполнить, но я считаю своим долгом обратиться к Вам с ней. 31 мая исполняется 70 лет Л. М. Леонову. Как было бы здорово, если б Вы поздравили его.

Передайте горячие приветы Марии Петровне и Ивану Семеновичу Погорелову.

Желаю доброго здоровья, плодотворной работы.

С уважением В. Чивилихин
1969 г.

ЗАПИСКА В СЕКРЕТАРИАТ СЪЕЗДА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Мы часто говорим и пишем о вмешательстве публициста в жизнь, но меньше думаем о многооттеночности, сложности этого предмета: писатель и жизнь, о подлинно диалектическом процессе их взаимосвязей, взаимоотношений и взаимодействий. Созревание замысла любого произведения, накопление, так сказать, материала – это, в сущности, накопление внутреннего напряжения, которое ищет выхода, концентрация радости сердечной, которой хочется поделиться с людьми, или душевной боли, которую надо снять. Тут активным началом выступает жизнь. Это она награждает писателя тем волне-

нием, без которого наше дело не идет, она усаживает его за стол, принуждает побыстрее откликнуться словом на ее зов. И слово писателя – когда это настоящее, хорошее слово – есть его дело, а писательство – наш способ участия в жизни и влияния на нее...

Сегодня я бы хотел поддержать работу публицистов России за последние годы, писателей, для которых слово и дело подчас совсем неотделимы, связаны самой жизнью. Публицист не может быть человеком равнодушным, пресным; как правило, это горячий поборник новизны, изменений, улучшений; часто он не в силах экономить свой запас идей и мыслей, свое нравственное снаряжение для будущих повестей или романов, он спешит напрямую высказаться о том, что, по его мнению, требует немедленного вмешательства.

Если окинуть взглядом публицистику последних лет, то мы увидим немало серьезных, талантливых работ, посвященных большим проблемам промышленной экономики, жизни села, использования природных ресурсов, организации управления и планирования, вопросам культуры, воспитания, морали, бытоустройства. Гражданский пафос, государственный, партийный подход к делу, глубина, компетентность в разработке тем – вот что отличает лучшие образцы публицистики нашего времени. Однако мы должны подумать и о том, как помочь боевым разведчикам литературы, они в этом нуждаются сегодня. Следует сделать так, чтобы их книги проходили полегче, чтоб тяжелый и ответственный этот труд вознаграждался пощеднее, надо совместными усилиями повысить результативность, действенность выступлений тех писателей-публицистов, что поддерживают своим словом-делом продвижение нашего народа по его большому и трудному пути.

27. 12. 69 г.

Козловой

Уважаемая тов. Козлова!

Согласен с Вами, что по моей повести “Над уровнем моря” может быть сделан интересный и нужный сегодня художественный фильм. И против Свердловской студии я не возражаю, как и против других, затевавших со мной переговоры об экранизации повести.

И я бы, конечно, согласился с Вашим предложением, если бы не ряд обстоятельств и условий, в которые Вы меня ставите своим письмом. Дело в том, что “Над уровнем моря” – вещь не простая, жесткая, и на экране из нее можно сделать, как говорится, что угодно. Судя по письму, у Вас еще нет сценариста, и Вы будете искать “талантливого и опытного”, но как я могу на это согласиться, не зная его принципов отбора, его ценностных критериев, его отношения к тому или иному моему герою? Что Вы можете сказать о вкусе и художественной зрелости этого пока гипотетического сценариста? Ничего. Думаю, что на моем месте Вы бы тоже не рискнули и осудили этаким неживой, стандартный подход к автору литературного текста.

В принципе “опытные и талантливые” кинодраматурги сами изучают жизнь, сами мучаются ее проблемами, сами избирают своих героев и пишут самостоятельные сценарии. А в данном случае, наверно, лучшим решением (для общей пользы!) было бы предложить автору литературной основы соавторство в работе над киносценарием, тем более что главная работа, как Вы считаете, будет состоять в отборе наиболее нужного материала.

Если у Вас есть конструктивные предложения в свете вышеизложенного, – я рад буду вступить в рабочий контакт.

7. XI. 72 г. Москва
Ваш В. Чивилихин

Щербакову К. А.

Дорогой Костя!

Посылаю тебе свежий роман Шамиля Бикчурина “Твердая порода” в моем переводе. Поступаю так не только потому, что наконец-то наметилась некая между нами связь, но также в видах повсеместной сегодняшней гражданской и литературной необъективности. Прочти эту книжку, в которой, безусловно, живет ничем незаменимое человеческое начало...

Ежели сочтешь нужным, поддержи этот редкий по нынешним временам роман умным и добрым словом. Можно, конечно, сказать о правде жизни, рабочих, нефти, плохом и хорошем, старом и новом, о трудном содружестве весьма разных людей, безусловно, символизирующем высшую разность и высшее содружество, только присутствуют в этом произведении тонкости художественные, воистину высшие...

13.2.75 г. Жму руку. В. Чивилихин.

Ганичеву В. Н.

Здравствуй, Валерий!

1. Леонов Л. М. согласился с моим предложением составить сборник в таком виде: "Белая ночь", "Evgenia Ivanovna", "Взятие Великошумска". Это было последнее, к чему мы пришли. Я очень хотел включить "Туатамур" – романтически-патриотический шедевр молодого Леонова, он отчего-то не хочет. Может, он и прав – произойдет резкое стилевое ограничение. Название этой небольшой книжки тоже оговорили. "Три повести". Согласился, что я могу откомендовать молодому читателю эту книжку небольшим вступлением. Вопрос о том, поставить ли это издание в серию "Тебе в дорогу, романтик!" – решайте с ним окончательно сами, я тут бессилён, хотя и пробовал убедить. Леонид Максимович очень хочет, чтоб книжка была снабжена хорошими иллюстрациями в расчете на юношей, в чем он совершенно, мне кажется, прав.

2. У меня есть один знакомый молодой (33 года) философ, преподаватель московского вуза. Мыслит он свежо, оригинально, в нужном нам направлении, на несколько неожиданном материале базируясь. Это – древняя, домонгольская Русь: мироощущение, миропонимание, мировоззрение наших предков по сохранившимся памятникам древнерусской литературы и культуры вообще (архитектура, быт, основы верований, общение с соседями и пр.). Недавно у него была интересная публикация в "Вестнике Московского университета". На днях он был у меня в гостях, и мы долго обо всем на свете говорили. Причем человек этот довольно непросто шел в избранную им наконец-то сферу. Например, три года учился в МВТУ, когда еще Королев был жив, потом ушел на философский МГУ. Каждое лето он работает каменщиком на восстановлении то Соловков, то Болдина (в Смоленской области), то еще где-нибудь. Мы сговорились, что он подаст тебе заявку для серии "Эврика" на книжку под названием "Мудрость древней Руси". Для разговора можем зайти вместе. Очень советую не упускать этого потенциального автора, жалко будет, если он уйдет в "Науку" или "Мысль".

3. П. Д. Барановский ждет нас с тобой, хотя состояние его сейчас оставляет желать много лучшего. Неприятности эти, как у всех ценных людей, связаны не с личным, а с общим. Чем могу, я ему помогаю, но он нуждается в большем внимании к своим страстям, чем это, кажется, может сейчас позволить наше время.

Прибегаю к такому старинному способу общения, потому что он надежней современных... А тебе звонить домой по служебным делам считаю невозможным.

14 октября 1976 г. Жму руку. В. Чивилихин.

Кочемасову В. И.

Уважаемый Вячеслав Иванович!

Недавно скончалась историк М. Ю. Барановская. Ряд научных и культурно-просветительских организаций Москвы хлопчет о захоронении урны с ее прахом в порядке исключения на территории Новодевичьего монастыря. Присоединяя свой голос к этим просьбам, я считаю, что такой акт в наше время имел бы немалое общественное и морально-этическое значение.

М. Ю. Барановская – кандидат исторических наук, автор около двухсот публикаций, в том числе капитальной монографии о декабристе И. Бестужева. Она лучший в стране знаток декабристской изографии, много сделавший для раскрытия культурного наследия декабристов. Последние несколько десятков лет М. Ю. Барановская работала в Центральном Историческом музее СССР, являясь главным специалистом по рукописному и изобразительному наследию первых русских революционеров.

Те же несколько десятков лет она вместе со своим мужем, заслуженным деятелем культуры РСФСР, известнейшим архитектором-реставратором П. Д. Барановским, проживала на территории Новодевичьего монастыря, в филиале музея. Некрополь с этой территории давно перенесен, однако там оставлены захоронения и надгробия русских историков М. Погодина и С. Соловьева, декабристов С. Трубецкого, М. Муравьева-Апостола, А. Муравьева, М. Орлова, Павла Колошина...

Захоронение урны с прахом виднейшего декабристоведа М. Ю. Барановской на музейной территории – исключительное, единственное за все годы советской власти – имело бы историческое и культурное значение не только для современников, но и для потомков наших, свидетельствующее об уважении к великим и скромным труженикам, оживлявшим народную память о славном прошлом нашей Родины.

В. Чивилихин, писатель, член Правлений СП СССР,
РСФСР и Московской писательской организации.
24. VI. 77 г.

Тулкину С. М.

Уважаемый Сергей Миронович!

Вчерашний вечер я провел в Переделкине у Л. М. Леонова, с которым мы более двух десятилетий, как он выражается, приятельствуем. Он был очень взволнован Вашим письмом и работой, дал мне ее полистать, но так как времени было мало, я прочел лишь первые двадцать страниц, а остальное, что, конечно, кощунственно называть остатком, лишь очень поверхностно просмотрел.

Эта работа по первому впечатлению – чрезвычайно трудоемкое, интересное и полезное продвижение в пестром и сложном мире леоноведения. Вполне допускаю, что она достойна самостоятельной публикации, ни с чем не сравнимой по глубине и оригинальности, а для начала есть у меня к Вам одно предложение.

В 1973 году в московском издательстве “Современник” вышла книжка “Уроки Леонова”, сделанная мною в качестве редактора-составителя и одного из авторов сборника. Я б Вам послал ее, но у меня остался единственный коллекционный экземпляр. Если Вы ее не видели, то не могли бы взять в библиотеке? И вот с какой целью. Подготовил я второе издание этой книги, где добавил еще семь статей, в том числе и иностранных авторов.

Книга скоро уходит в производство, но она бы существенно обогатилась, если бы в нее вошла Ваша статья о “Мироздании по Дымкову”! Был бы чрезвычайно благодарен, если б Вы сделали концентрацию своей работы на 25–30 страниц стандартного машинописного текста (канцелярская машинка через три интервала). Это, как Вы понимаете, нужно не мне, не Леонову, не Вам.

Однако дело срочное – книга должна выйти к 80-летию писателя и через две, максимум через три недели я должен ее отправить в типографию. Пожалуйста, Сергей Миронович, сообщите – ждать мне или нет Вашей статьи? Зачин ее есть в начале Вашей работы, а остальное Вам виднее. Поверьте, мы сделаем общее, очень полезное дело.

7. V. 78 г. С глубоким уважением Вл. Чивилихин.

Мезенцеву Н. Ф.

Уважаемый Николай Федорович!

Благодарю за интересное письмо. Карлом Линнеем, однако, и его родословной я никогда пристально не интересовался и ничего не слышал о легендарной трехствольной липе...

Сомневаюсь только, что один из стволов липы может привести к Рюрику, хотя символически-семантическая общность здесь может таиться.

Ваша догадка – не скажу, не имею достаточных оснований – не то чтобы была адекватна истине, но она дает основание для размышлений и поисков. В “Слове” сосуществуют три способа, неразрывно слиты три принципа отображения действительности – через слово-образ, слово-понятие и слово-символ. Меня всегда умиляли попытки ученых-филологов понять, что такое “на седьмомъ веце Трояни”, и я давно пришел к выводу, что “семь” здесь –

символическое выражение времени-жизни как философской категории, составленное из божественного числа три (триединство бога) и числа четыре, отражающего материю (по представлениям древних, мир состоял из четырех элементов и простирался на четыре стороны света). Издатели издревле печатают “Трояна” в “Слове” с большой буквы, хотя в протографе этого не могло быть...

Между прочим, символика цифры “три” идет еще от древних греков, но, быть может, и они ее позаимствовали; о прошлом мы знаем примерно столько же, сколько о будущем.

Очень рад буду получить от Вас письмо, в котором Вы бы изложили мне доводы о “варяжском происхождении русских князей” как подспорном средстве для понимания множества нераскрытых пока глубин “Слова о полку Игореве”. Хорошо бы по пунктам, чтоб я мог с Вами легче согласиться или поспорить в следующем письме.

22.VIII.78 г. Москва. С уважением Вл. Чивилихин.

Вахмистрову А. В.

Добрый день, Адольф Васильевич!

Счет, кажется, 2:1 в Вашу пользу и даже более того, так как я получил от Вас два письма, отвечаю одним, две книги – ничем не отвечаю, к сожалению. Есть ли у Вас новинка – “Древние китайцы”? Если нет – могу послать, я взял один экземпляр, потому что увидел, что о Енисее там ни слова. Новость есть хорошая. 13 декабря состоялась встреча потомков декабристов в Москве, очередная, традиционная. Меня попросили выступить, счастлив рассказать под конец, что именно в тот день пошла с утра на визирование бумага о передаче дома № 27 по Зубовскому бульвару для Музея декабристов. Победа великая! Дом – идеал! Каменный особняк конца XVIII в. полезной площадью 1712 кв. м, два этажа по 15 окон, классический портик, развертка по фасаду, центр. Конечно, дом надо еще освобождать от теперешних пользователей, реставрировать (кажется, исчезла анфиладная планировка внутри, полностью утрачена лепка, полы, но это все – мелочи). В этом доме жил в 1860-е гг. А. Н. Муравьев.

Теперь бы мне еще помочь созданию музея “Слова о полку Игореве”, А. В. Суворова да панорамы “Куликовской битвы”. Чувствую, что до конца жизни забот только с этим будет по горло. Но какая радость, какое ни с чем не сравнимое чувство удовлетворения, хотя я могу легко сейчас написать мощную повесть о том, как добывался особняк под Музей декабристов.

М. М.* слаба, не выходит из дому. Давно у нее не был, перезваниваемся.

Плохо, что и я неважно себя чувствую – дают знать раздираны в разные стороны. В день бывает по 10–15 звонков, хотя я отказался выступать в газетах, по радио и телевидению, и никаких дел с кино или театром.

Есть маленькая радость – получил новую квартиру. Она, правда, новая для меня, но старая по возрасту, в ней ужасающий ремонт надо делать. Однако я всю жизнь мечтал поселиться в старом толстостенном доме, стоящем в тихом месте. Это чуть наискосок от входа в Третьяковскую галерею.

У меня к Вам просьба. Вы когда-то сообщали мне, что Ваши друзья прислали Вам много журналов февральских “Нашего современника”. Я раздал все свои экземпляры начальникам, у которых хлопотал о Музее декабристов. Если есть лишний 1–2 экз. – буду очень благодарен за них.

И последнее. Думаю, что смогу Вам помочь прорваться к истоку Енисея. Лесной министр России А. И. Зверев относится ко мне, как лесному полпреду в литературе и журналистике. Мы с ним встречаемся и т. д. Если район, куда Вы стремитесь, – его епархия, он может помочь даже сверх Ваших ожиданий. Сообщите только мне наиболее понятные для него ориентиры, цели, условия. Ближе к весне мы это, я уверен, провернем.

Желаю доброго здоровья и работоспособности. Ваш Вл. Чивилихин

19.XII.78 г.

Москва

* Мария Михайловна Богданова – историк, декабриствед, потомок декабриста Н. О. Мозгалева.

Карнабеду А. А.

Уважаемый Андрей Антонович!

Давным-давно получил Ваше письмо, но был очень, по завязку занят капитальным ремонтом “новой” своей квартиры и переездом, что накопилась куча писем, и мне на нее было даже страшно смотреть...

А Вас, я гляжу, все мучит Черниговский некрополь... Хотите знать открывшую мою точку зрения? На первый взгляд она Вам может показаться кощунственной, но не спешите, подумайте. Чернигову более тысячи лет, там самый древний каменный храм Руси, и это единственный восточнославянский город, в котором сохранилось пять домонгольских памятников архитектуры. В Чернигове – я это попытаюсь доказать – было написано гениальное “Слово”, не имеющее аналогов в мировой литературе всех времен и народов. Со временем, я уверен, главным монументом города станет комплекс, посвященный автору и его творению, – этому комплексу должно быть подчинено все древнейшее – площадь, подход к Десне, Вал. Это будет деянием общечеловеческой значимости. А насчет могил в центре города, то позвольте выразить уверенность, что не за горами день, когда они будут перенесены даже с Красной московской площади в специальное место, в Пантеон.

Совершенно кощунственно, или я уже однажды Вам писал, трогать грубыми орудиями археологические могильники! Кстати, на каком основании акад. Б. А. Рыбаков счел черниговские кости одной из могил за останки Буй-Тур Всеволода? На каком основании авантюрист-гробокопатель Герасимов “восстановил” облик брата князя Игоря в одном варианте бородатым и волосатым, в другом – голым, как колено? Сделал из Андрея Боголюбского неандертальца, а из Ярослава Мудрого – иезуита?

Кстати, мы так с Вами и не договорили о двух важных вещах. Где, на Ваш взгляд, похоронен князь Игорь? На каком основании Рыбаков считает местом его захоронения Спасо-Преображенский собор? Ведь он не значился на доске, сданной в металлолом! (Попутно – не пора ли черниговцам вновь отлить и повесить эту доску?..)

Подписал Петр Дмитриевич* дарственную на все, что у него есть, но инвентаризацию, опись никто пока не делает, а время идет. Боюсь, что судьба его наследства будет печальной...

Из моей новой работы, где будет много о Чернигове, я опубликовал в прошлом году в журнале “Наш современник” № 2 1978 г. небольшой отрывок “Память”. Так будет называться и вся книга. А этот отрывок – о декабристах, как ни странно!

Пишите мне на досуге.

25.2.79 г. С глубоким уважением Вл. Чивилихин
Москва

Дементьеву В. В.

Здравствуй, Вадим!

Посылаю тебе свое “Светлое око”, как договорились мы об этом по телефону. Прочти. Уверен, что ты, профессионально, как литературовед и критик, интересующийся преимущественно поэзией, никогда не читал моих публицистических работ. Однако я считаю, что литература, особенно русская, – это единый процесс, нечто целое и цельное, всегда дружно, вне зависимости от жанровых или каких-либо иных особенностей отражавшее и отражающее всегда трудную жизнь своего народа, его духовную, нравственную сущность, но ее – кто волей, кто неволей – искусственно дробят сейчас на вопросы-подвопросы, на литературу, например, “рабочую”, “военную”, “историческую”, “о природе”, а так называемых “деревенщиков” превратили в последние два-три года в некое стадо, на которое то в рожок подудят, то бичиком хлестнут, дабы подогнать к водопою, на дойку, обрезание рогов и т. п.

В этой книге мне с большим трудом через 17 лет удалось напечатать “Светлое око Сибири” – я ведь первым выступил тогда с большой литературной работой о Байкале. Посмотри послесловия, из которых кое-что повыщипано.

* Петр Дмитриевич Барановский – архитектор-реставратор, заслуженный деятель культуры РСФСР.

Вспоминая твои слова о декабристах во время одной из встреч, думаю о том, что героев 1825 года невозможно убрать из нашей истории или скомпрометировать. Кроме всего прочего, они оставили такой след в нравственной жизни русского народа, что дай Бог каждому, а сейчас время такое, что мы должны дорожить любой ценностью прошлого...

Жму руку. В. Чивилихин
14. XI. 80 г.

Сергееву М. Д.

Дорогой Марк!

Большое спасибо тебе за М. Фонвизина!

Святое дело затеяли вы, иркутяне! Это зачтется историей. Ты заметил, что интерес к декабристам в последние годы нарастает? Потребность духовная, желание прикоснуться к их нравственному и политическому духу, разнообразие человеческих талантов в героях 1825 года – вот что тянет к ним людей, наших с тобой современников. Декабристы так вписались в историю России, что, зная, оказались бессильными их очернители всех мастей!

Еще раз благодарю, жму руку.

В. Чивилихин
15. IV. 81 г. Москва

Лихачеву Д. С.

Уважаемый Дмитрий Сергеевич!

Душевно благодарю Вас за давнее поздравление и прошу простить, что не ответил – после инсульта и инфаркта тяжело болею, и не в состоянии ни читать, ни писать. На “Память” получил более тысячи откликов, ни на один, к сожалению, не ответил.

Ваше внимание мне вдвойне дорого, так как слышал о ваших горестях. Примите, пожалуйста, мои искренние сочувствия, я Вас хорошо понимаю. Мне тоже вместе с болезнью довелось перенести одновременную потерю двух родных братьев, старшего и младшего; было два брата, а сердце одно и место их в нем ничем не заполнено, пустота.

Однако жить, вернее, переживать надо. И надо даже работать, потому что это мы делаем не для себя, а с Вас в этом смысле можно брать пример – знаю и ценю Ваши труды. Вы сделали так много для русской науки и культуры. Примите искренние пожелания здоровья и крепости духа.

27. 1. 83 г.
Ваш В. Чивилихин.

Белову В. И.

Уважаемый Василий Иванович! В последнее время не мог читать ничего, поэтому прошу извинить, что с твоим письмом познакомился только сегодня.

Жаль, что ты, достаточно меня зная, подумал было о том, будто я “оправдываю” и т. п. Прощаю тебя великодушно, потому как тебе неизвестно, что цензура сняла у меня из № 11 печатный лист, из № 12 семь полос*. Было написано даже о варварском уничтожении *нашими с тобой современниками* памятников Оптиной пустыни, московского Петра и Павла на Преображенской площади, Казанской Божьей матери на Калужской (Октябрьской), возведенной в память 600 тысяч русских солдат и офицеров, погибших при освобождении Болгарии сто лет назад. Болгарская интеллигенция была осведомлена о планируемом, начала хлопотать, чтобы взять на болгарский кошт реставрацию храма и полную экспозицию памятного музея; мы писали письмо Тодору Живкову...

Из “Памяти” убирают все цепляющее. Сняли очень важное место об уничтожении единственной в мире карликовой липовой рощи в ярополецком парке дворца Чернышевых, о раскопанных в прошлом году могилах Е. Р. Дашковой и князя М. М. Щербатова, осквернении праха Багратиона...

* Имеется в виду публикация романа-эссе “Память” (“Наш современник”, № 11, 12 за 1980 г.).

О разрушении памятников сейчас убирают всё и везде. После ухода В. И. Кочемасова ВООПИК работу свою свернул. Нет председателя, нет зама, нет надежд. Но даже когда все это было, я потратил полтора года, чтобы добиться специализации одного из московских ПТУ для подготовки рабочих-реставраторов и снятия с храма Всех Святых на Кулишках доски “Площадь Ногина”.

Прими-стерпи взаимные упреки. Ты пишешь о том, что в Вологде было 84 памятника, осталось 10–12. Зачем ты мне это пишешь? Лишний раз травануть душу? Почему ты об этом не сказал ни разу в печати? Почему у тебя в “Ладе” (мое высокое мнение о нем ты знаешь) все лад да лад, в том числе и хорошие слова о деревянном зодчестве Русского Севера? А вот передо мной лежит список погибших за последние 20 лет и гибнущих сейчас памятников Севера, заметки о проблеме молниеотводов, туристов, развлекающихся полымем храмов, о сжигании уже отреставрированных памятников пропившимися реставраторами, прячущими концы в огонь. Если ты всего этого не знал, работая над “Ладом”, тогда прости*...

Все мы нуждаемся в большем понимании друг друга, потому что живем в тяжелое время. Ты заметил, как “бурными аплодисментами” одобрил XXVI съезд предложения Кунаева, Рашидова и Гафурова о повороте к ним сибирских рек? Северные же – тропка к сибирским. Вспоминаю свои строчки из “Земли в беде” о повороте северных рек на юг (по первоначальному проекту). За десять лет мне удалось их напечатать шесть раз, и, возможно, это хоть в какой-то микроскопической мере помогло похоронить тот дикий проект...

24.12.83 г. Жму руку. В. Чивилихин

Публикацию подготовила Елена Чивилихина

* “... Да потому и не выступил, что не печатают, все выкидывают...” – из ответного письма Белова В. И.